

6 декабря исполняется 85 лет Почётному жителю Петропавловска-Камчатского, народной артистке РФ, актрисе Театра драмы и комедии Галине Астраханкиной (Горицкой). Галина Васильевна родилась в 1924 году в Перми. В 1948 г. окончила Уральский театральный институт. С октября 1956г. — актриса Камчатского театра. В годы войны работала на артиллерийском заводе токарем. Участник трудового фронта. Ветеран труда. Заслуженная артистка РСФСР. Народная артистка РФ. За вклад в развитие театрального искусства на Камчатке награждена орденом трудового красного Знамени. Звание «Почетный гражданин города Петропавловска-Камчатского» Галине Астраханкиной было присвоено в 1996 г.

- Галина Васильевна, как вы оказались на Камчатке? Помните свой первый день?

- Мы с мужем, Георгием Горицковым, приехали сюда в 1956 году. Он был назначен директором театра. До этого 4 года работали в закрытом городе Ленинобад-30, где был урановый комбинат.

К камчатскому берегу мы подошли на паротурбоходе «Александр Можайский», построенном еще в начале 20 века голландцами. Был очень пасмурный день, серый. Как то все гнетуще было.

Когда улетали, то у мамы оставили сына Никитку. Он еще в школу не ходил. Вызвали такси. Я говорю маме, мол, ты погуляй с ним, а мы сядем и уедем, чтобы он не видел. И мы, значит, задержались. Садимся в машину, а тут мама с другого угла дома выходит с сыном. Я говорю: «Давайте скорее, давайте скорее!» А Никитка бежит за машиной и кричит: «Мама! Мама!». Я разревелась. Муж начал и меня успокаивать, говорит, что пусть год поучится у бабушки, а потом я поеду в командировку и привезу его. Так и получилось. Через год муж прилетел. Я смотрю, а он в окошечке самолета.

Когда ехали в поезде до Владивостока я все время выла, что мы оставили ребенка. Проезжаем Байкал. Муж мне подносит омуля вонючего. Я ничего не хочу. Все серо, холодно, мрачно. Приезжаем во Владивосток, а там солнце, все хорошо. И я успокоилась. Мы погрузились на теплоход и пошли на Камчатку. На пароходе полно офицеров, моряков. Рестораны, танцы. И тут меня на пароходе укачало. Я впервые узнала, что такое морская болезнь. До этого много раз плавала на пароходах, но по реке. Муж подносит мне крымское яблочко, а меня тошнит, я ничего не могу.

Петропавловск произвел достаточно мрачное впечатление. Поздняя осень. Великолепия вулканов сразу увидеть не удалось.

И вот я сижу в камчатской гостинице. Гудят пароходы, а я плачу по сыну. Жора меня успокаивает, что три года поработаем, немножко заработаем денежек и все. Мы поработали 4 года. Уехали в отпуск на материк. У нас было 65 тысяч рублей. Я маме шубу купила, холодильник и еще кучу всего. Мы съездили в Югославию. И в конце отпуска, ой-ой — скорей-скорей на Камчатку! Нас сюда тянуло, как магнитом. Тут уже роли, творческие люди вокруг. Вскоре с камчатской группой я поехала во Францию на 18 дней. Впечатлений, конечно, масса.

- Вы помните свои первые роли? Как Вас восприняла публика?

- Первая моя роль была в спектакле «Одна» по пьесе драматурга Алешина. Я играла пьяницу, но очень хорошего человека со сложной судьбой, и публика восприняла эту роль чрезвычайно благосклонно.

Здесь было много интеллигент-

ром, помимо актеров, были заняты военный ансамбль, оркестр, хор и балет.

Помню, что тогда автобусы по Петропавловску не ходили, а были грузовые крытые машины с лестничкой сзади, а в кузове скамейки. И на остановках люди стояли в очереди друг за другом. Так вежливо подавали руку друг другу, когда садились в кузов.

- Галина Васильевна, кто были Ваши родители, где Вы выросли?

я молодец, и из меня получилась бы хорошая чертежница.

- Вы помните начало войны?

- Было воскресенье. Мы были дома. Вдруг папа говорит: «Тише! Тише!». И по радио объявляют о начале войны. Папа: «Я так и знал, что этот грузин доведет до войны!». Мама сразу в испуге: «Ты что?! Молчи! Молчи!».

У нас в классе было 42 человека. Все наши мальчики ушли

ним симфоническим оркестром, балетам, спектаклям. Денег тогда мало платили. Все больше талоны на каши давали. И я отдавала бабушке. Не помню, почему тогда были билеты. Но в театр пробиться было совершенно невозможно. Толпа постоянно у дверей. Много офицеров в погонах, в красивых унтах. И не могут попасть. Помню, как один офицер говорит: «Мне завтра лететь на фронт, пустите, пожалуйста!»

Галина Астраханкина: жизнь хочу закончить в театре

- И в войну это всё работало?

- Всё. Вот я поэтому и пропустила школу. Сначала театры, а потом к 1 часу ночи на работу. У меня получалось. Порой у станка засыпала. Помню фамилию мастера Сыропятов. Он меня хватал за шкурку и встряхивал, чтобы волосы не наматало на шпindel.

- Видимо, эта театральная насыщенная жизнь в тыловом городе Перми и подвигла вас стать актрисой?

- Конечно. Я тогда влюбилась в актрису Наталью Дудинскую. Нас несколько девочек бегали за ней. У меня подружка была Нелля. И она однажды пригласила нас домой. Мне ведь тогда уже было 18. Помню, у меня был шелковый оранжевый платочек, и бабушка крючком по периметру обвязала его кружачиками. И я его в карманик передний положила. Руки мои были в цыпках от эмульсии, но это не видно было под одеждой. Когда за станком стоишь, то на деталь всегда поливается масляная эмульсия, чтобы она не раскалялась. И вот она разбрызгивалась на руки.

Мы пришли к Дудинской, и к ней в гости пришел композитор Хачатурян. Он написал часть какого-то произведения и его кусочками играл. Сыграл и часть своего знаменитого «Танца с саблями».

- И как Вам удавалось попадать на спектакли?

- Я там познакомилась с одной контролершей и у мамы крали маленькие кусочки мыла размером со стиральную резинку. Давала ей мыло, и она разрешала мне садиться на ступеньки на газетку. И я пересмотрела все спектакли в драмтеатре.

Однажды я увидела знаменитую балерину Уланову. В Пермь приехал Вольф Мессинг и давал концерты. Но я туда не попала. Тогда я уже дружила с одной актрисой драмтеатра Антониной Михайловной Чепруновой. Муж у нее был Штейн — копия Ленина. У нее мама была хорошая женщина, очень хорошо шила, но ей не на чем было работать. А у нас дома было 3 швейные машинки. Одну маленькую мы с мужем даже сюда привезли, на Камчатку, ей уже больше 100 лет. Она до сих пор целая. Одна машинка — «Поповка» — шила все подряд. Одна была на ножках. И мама мне разрешила одну машинку дать попользоваться семье этой актрисы. Вот так мы подружались. И она говорит однажды: «Галочка, приходи в понедельник в филармонию, там в фойе Вольф Мессинг даст сеанс» (Окончание на стр. 4)

ции с необыкновенной тонкостью восприятия. Камчатские зрители необычайно теплы. Большими любителями культуры была интересная семья главного инженера Тралфлота Павла Ивановича Демидова. Они нас быстро приняли к себе. У них постоянно собирались музыканты, актеры. Его жена азербайджанка Лилель делала восточные сладости и угощала нас. Мы обсуждали спектакли, концерты. Тогда на Камчатку много скрипачей приезжало, других музыкантов.

В конце 50-х много приходилось играть в музыкальных комедиях, тогда этот жанр был популярен, т.к. нам приходилось петь и танцевать. Это были спектакли «Свадебное путешествие», «Сверчок». Для этих спектаклей перед сценой играл оркестр. А самой глобальной постановкой по тем временам стал «Женский монастырь», в кото-

- Мама была врач, а папа инженер-конструктор. Я выросла в Перми. Папу на фронт не взяли, т.к. он работал в конструкторском бюро. Помню, как мы однажды с ним гуляли вдоль заводского забора и он мне показывает дом трёхэтажный из красного кирпича и говорит: «Видишь, там живут выдающиеся люди конструкторы. Но они свободно жить не могут. Только ты никому не говори». Завод был артиллерийский, и они разрабатывали оружие.

Папа иногда приносил домой рулоны чертежей. У него в комнате стояла чертежная доска пультман. И с чертежа грязного он переносил на чистовик. Я несколько раз смотрела, как он делает. И потом в его отсутствие взяла, провела кружочек, линии соединяла, доделала стрелочки. Думала, что мне попадет от папы. А он посмотрел и сказал, что

на фронт. Вернулся живым только один. Все девочки стали у станков на заводах. Мужчин на производстве заменили подростки, молодежь, старики.

У меня станок был токарный. Я точила такую детальку, номер не помню, в простонародье называлась «сережка». Дырочки просверливала, обтачивала, все делала по чертежу. Помню, были такие огромные токарные станки, которые обтачивали большие болванки. Они так медленно крутились. Мы завидовали токарям, работавшим на них: в ночную смену они могли лечь спать, а болванка до утра обтачивалась.

Я пошла в школу фабричной молодежи, т.е. вечернюю. Конечно, школу пропускала, потому как в Перми был Кировский театр. В местном театре много было драматических актеров из Киева. Много было концертов. Мы девочки бегали по различ-

(Окончание. Начало на стр. 3) для актеров. Получится пройти — пройдешь. Не получится — нет». Тогда Мессинг уже был известен. Правда, про Сталина, Берия, конечно, никто не знал, что он с ними виделся. Хотя это я девочка не знала, может, актеры и знали.

И я стояла до последнего момента. Вокруг него полукругом сели актеры в два ряда. Он много шутил, удивлял всех. Потом Антонина Михайловна говорит контролерше, что вот есть два местечка свободных, мол, можно эта девочка сядет. И я села и смотрела на Мессинга, на актеров, как они себя ведут. Мы все считали, что он фокусы показывает. И тут сзади подходит девушка и шепчет: «Девушки немножко раздвиньтесь». Одна говорит, мол, я уйду, а вы садитесь. Вновь пришедшая зрительница шепчет, что не надо, мол, мы поместимся на одном стульчике. Она такая худенькая, как и я, села рядом, меня обняла. И вдруг в какой-то момент Мессинг смотрит на меня и восклицает: «Ой, Галочка! Ой, кого я вижу! Галочка, иди сюда!». Я сначала опешила — откуда он узнал мое имя. Но тут девушка, которая сидела рядом со мной на стульчике, встает и выходит к нему. И все начинают аплодировать. И я вижу, что это Галина Уланова. Она изредка приезжала на «Лебединое озеро».

- Расскажите о своем поступлении в театральный институт, ведь в такие заведения всегда было сложно поступить.

- В 10 классе мы почти всем классом завалили экзамены. И я завалила. Ну не успевали. Немножко голодали, работали, бегали по театрам. И тут в газете объявление, что Свердловский театральный институт объявляет прием. Вот тут я и забегала. А в это время вышел указ И. Сталина, что все желающие, кто вынужден был уйти из институтов, университетов на заводы, на фронт могут вернуться и дальше учиться.

Я немножко позанималась с актрисой Антониной Михайловной, которой давала швейную машинку. Она меня познакомила с методом Станиславского, что такое этюд с речью, без речи.

В 1944 году я поехала в Свердловский институт. Народу на одно место было человек 200. Дочки всяких академиков, генералов, конструкторов. Все в чернубурках. Мама меня неплохо одевала, но перед ними я померкла слегка.

И вот первый тур. Читала Полонского «Орел и змея». Меня спросили, откуда я взяла это произведение. Я сказала, что нашла в учебнике русского языка, где нет ни точек, ни запятых. Меня выслушали до конца. Обычно читает абитуриент, они прослушают несколько фраз, пару абзацев и говорят: «Достаточно». А тут все до конца прослушали. Там змея просит орла взять ее в небо, говорит, что будет благодарна, уговаривает его. А потом смотрит с неба на землю, ей надоедает, и она жалит орла. И я в этом месте плакала настоящими слезами. Потом у меня проверили слух музыкальный. Какую-то песню я спела мужскую и ушла.

На второй день смотрю списки, кто прошел во второй тур. Меня в списках нет. Я пошла в деканат. Николай Васильевич, декан, очень хороший человек, знающий западную литературу, русскую. Он говорит, что меня приняли. «Так у меня же еще два тура?!» — спрашиваю я. «Не надо. Езжайте на свой завод и

рассчитывайтесь», — отвечает декан. И мне даже простили, что у меня не было аттестата о среднем образовании. Мне потом всегда было интересно смотреть, как абитуриенты сдают экзамены.

- Как родители отнеслись к вашему выбору?

- Папа всегда любил театр. Им профсоюз давал контрамарки на какие-то сказки. И я помню первую оперу смотрела — «Снегурочку» и так рыдала, когда она

ной. А он «Фрау данке, данке, спасибо!». И убежал. А потом с фронта вернулся Георгий Иванович, мой будущий муж. А у него на кителе значок «Гвардия». А для них «Гвардия» — это как для нас «ЭсЭс». Ганс испугался и как шуганулся, летел через несколько ступенек. И мама как-то говорит, мол, почему-то нету моего Ганса. Хотя были разные случаи. Мама рассказывала, как возле «Уралмаша» в скверике собралась толпа. Там на огоро-

все эти шестеро ребят исчезли. Больше их не видели и не слышали. Видимо, отправили в лагерь.

- Когда Вы вышли замуж?
- Официально оформили брак в 1947 году. Но с Жорой мы уже 3 года до этого жили. Помню, моего Жору отпустили с фронта первый раз в отпуск. И они на своем деревянном вагоне написали большими буквами «Сифилис». Всю дорогу гуляли и пили. Мама его встречала и рассказы-

- Вы забывали когда-нибудь на сцене слова роли? Ведь артистам нужна хорошая память! Вы как-то тренировали ее.

- Нет, не забывала. В памяти всегда всё хорошо держала. Ну, бывало какое-то слово. Сейчас я уже честно немного сдала свои позиции.

- Какие у Вас были любимые роли?

- Я всегда на этот вопрос отвечала, что какая сегодня роль —

Галина Астраханкина: жизнь хочу закончить в театре

таяла. Папа играл на гитаре. Мама это не очень нравилось, и она всегда говорила, как только он брал гитару: «Развел здесь деревенщину». Почему-то она не хотела, чтобы он музицировал на гитаре.

Когда я училась в Свердловске, то иногда мы студенты выступали в массовках драматического театра. Спектакли были большие, хорошие. Помню, бегали еще на киностудию. В массовке танцевали цыганками. Но я потом не увидела себя в кино. Дружили с киношниками. Вместе со мной учился Владимир Мотыль, ставший потом известным режиссером.

- А в кино вы любите ходить? Говорят, что многие артисты театра мечтают о киношных ролях.

- Как-то в кино я особо не ходила. Я знала актрис и актеров. Но всегда хотела играть только в театре.

- Когда у Вас дома появился первый телевизор?

- Уже здесь, на Камчатке. Муж терпеть его не мог. Телевизоры притягивали зрителя, а ему нужно, чтобы в театре был народ. Помню, как в кино должен был идти фильм «Цыган». Муж бежит в культуру и объясняет, что у нас свой очень хороший спектакль «Цыган» с прекрасными декорациями. И просит оттянуть на месяц, чтобы наши поиграли. И нам шли навстречу. У нас театр битком набит. Потом прошло кино, все стали сравнивать и говорили, что «Цыган» в театре лучше.

- Вы помните окончание войны?

- Слухи уже были, что вот-вот конец. Это было утром. Все закричали в общежитии. И в студенческом городке все ходили, обнимались, целовались. Мы прыгали, подпрыгивали от радости тузили друг друга, только перья летели. Не помню, чтобы водку пили. Может, денег не было. Вечером танцы до упада. Раненых целовали. Помню у нас там, на углу возле театральной столовой, всегда сидел летчик. Безумно красивый парень без обеих ног. Он никогда ничего не просил, но к вечеру он всегда напивался. То ли ему наливали, то ли денег давали на выпивку.

И в то же время Свердловск был заполнен пленными немцами. Они строили дороги. Их уже особо и не охраняли. Мы студенты уже шпихали с ними. Особой агрессии к ним не было. К маме бегал немец Ганс, мальчик. Он уже из последнего призыва гитлерюгенда, которых призывал на фронт Гитлер. И мама, моя свекровь, давала ему немножко картошки, капусты со-

де осенью выкопали картошку, и пленные немцы перекапывали землю, чтобы найти хоть что-нибудь из остатков. И женщина стала кричать, чтобы они не брали картошку, что у нее они убили сыновей. Другие просили: «Да дайте им эту картошку, это ж мальчишки». Там такая каша была. И мама увидела Ганса и попросила, чтобы он пришел. Но он так и не приходил.

После войны мы стали немножко лучше жить. Сталин то на масло цены снижает, то на хлеб, то на макароны, то на детские носочки. Умел он это делать. Ссылал народ пачками в лагерь, а тут цены снижает.

- Вы слышали про репрессии?

- Как-то особо нет. Хотя ходили разговоры, что сажают, сажают. Сейчас мы уже понимаем, что он нас подбадривал. Мы его любили, боготворили, а в то же время вон, что в стране творилось, какие репрессии. Помню, в университете было ЧП. Была там группа очень талантливых литературных ребят, пишущих, журналистов. И они устроили вечер Есенина. А Есенин был запрещен. И видимо там, среди приглашенных, был стукач. И

вала, что она испытала ужас: из этого вагона спрыгивает ее пьяный сын Жора Горицков. Но потом ничего, отошел.

Мы учились в институте и вместе жили. Моя мама часто звонила, а девочки ей говорили, что я у Жорочки на «Уралмаше». Однажды телеграмма приходит: «Приезжаю. Мама. Встречайте». Я не могла, что-то репетировала, и ее на вокзале Жорочка встречал. Она ему так строго: «А вот это — знаменитый Жорочка, который с моей Галочкой по ночам спит». Но он был такой обаятельный и сразу ей понравился.

Мама приехала с моей младшей сестренкой. И устроили свадьбу. Это был 1947 год. На столе была водка, картошка, капуста квашеная и хлеб. Всю жизнь по паспорту я Горицкова. Но люди меня знают по моей девичьей, сценической фамилии Астраханкина.

- Первые секретари горкома, обкома, руководители исполкомов ходили в театр?

- Ходили-ходили всегда. Дмитрий Иванович Качин всегда принципиально покупал только за свои деньги билеты. Некоторые не покупали, использовали приглашение.

та и любимая. А сегодня, после столько лет я думаю, что повторила бы роли в спектаклях «Мария Стюарт», «Материнское поле», «Иркутская история», «Дальше тишина», «Миссис Пайпер ведет следствие», «Странная миссис Севидж».

Жизнь моя пролетела быстро. Старость — это самое тяжелое испытание для человека. Сначала начинает конфликтовать тело с душой. А потом уже абсолютно не подчиняется. Старость приносит столько неожиданностей. Если бы не театр, то меня уже, наверное, не было бы. Я им всем, и техника, и актерам, и молодежи очень благодарна. Только театр меня поддерживает, и я до сих пор езжу на репетиции. У меня одна сейчас мечта. Я хочу работать до конца в театре и умереть на сцене.

- Галина Васильевна, можете поделиться каким-нибудь рецептом еды.

- Я всегда любила делать маленькие мясные пирожки и большие слоеные пироги. Рецепт простой. Тесто простое. Фарш чуть-чуть поджаришь, лук, перчик. Тогда не было столько специй. И такие пирожки запивали бульоном с укропчиком.

- У Вас в Петропавловске были ухажеры — зрители из мужчин, кто в Вас влюблялся?

- Был один воздыхатель, я уже боялась его. На сцене хорошо всегда играла с партнерами любовью. Но спектакль закончился и все. Мы чужие люди. У меня есть муж.

Всего за 60 лет работы на сцене Галина Васильевна сыграла более двухсот ролей. Жизнь дарила ей совместное творчество и общение со многими замечательными людьми. К сожалению, многие из них, по ее выражению, уже «ушли за горизонт». Это Народный артист Владимир Андрианов, Заслуженный артист Василий Краснор, артисты Виктор Савельев и Валерий Белоусов. С удовольствием принимает восторженную опеку молодого пополнения нашего театра и чуть-чуть сожалеет, что труппа сейчас намного меньше, чем в былые славные времена. Очень приятные воспоминания сохранила Галина Васильевна и от общения с невероятными людьми: музыкантами Владимиром Спиваковым и Мстиславом Ростроповичем, с певцом и музыкантом, легендой романса Вадимом Козиным, поэтом Евгением Евтушенко, певцом Вертинским. В спектакле «Дети солнца» ей довелось играть со знаменитым Василием Лановым.

Беседовал
Игорь Кравчук